Гибель Семена Пожарского

За рекою, переправою,
За деревнею Сосновкою,
Под Конотопом под городом,
Под стеною белокаменной,
На лугах, лугах зеленыех,
Тут стоят полки царские,
Все полки государевы,
Да и роты были дворянские.
А из да́леча-дале́ча, из чиста́ поля́,
Из того ли из раздолья широкого,
Кабы черные вороны табуном табунилися,
Собирались-съезжались
Калмыки со башкирцами,
Напущалися татарове
На полки государевы.
Оне спрашивают, татарове,
Из полков государевых
Себе сопротивника.
А из полку государева
Сопротивника не выбрали
Ни из стрельцов, ни из солдат-молодцов,
Втапоры выезжал Пожарской-князь,
Князь Семен Романович,
Он боярин большей словет,
Пожарской-князь.
Выезжал он на вылазку
Сопротив татарина
И злодея наездника,
А татарин у себя держит в руках
Копье вострое,
А славны Пожарский-князь —
Одну саблю вострую
Во рученьки правыя.

Как два ясныя соколы
В чистом поле слеталися,
А съезжались в чистом поле
Пожарской-боярин с татарином.
Помогай, Бог, князю Семену Романовичу Пожарскому!
Своей саблей вострою
Он отводил востро копье татарское
И срубил ему голову,
Что татарину наезднику.
А завыли злы татарове поганые:
Убил у них наездника,
Что не славного татарина.
А злы татарове крымские,
Оне злы да лукавые,
Подстрелили добра коня
У Семена Пожарского,
Падает его окарачь доброй конь.
Воскричит Пожарской-князь
Во полки государевы:
«А и вы, солдаты новобраные,
Вы, стрельцы государевы!
Подведите мне добра коня,
Увезите Пожарского,
Увезите во полки государевы!»
Злы татарове крымские,
Они злы да лукавые,
А металися грудою,
Полонили князя Пожарского,
Увезли его во свои степи крымские,
К самому хану крымскому,
Деревенской шишиморы.
Его стал он допрашивать:
«А и гой еси, Пожарской-князь,
Князь Семен Романович!
Послужи мне верою,
Да ты верою-правдою,
Заочью не изменою;
Еще как ты царю служил,
Да царю своему Белому,

А и так-то ты мне служи,
Самому хану крымскому,
Я ведь буду тебе жаловать
Златом и серебром,
Да и женки прелестными,
И душами красными девицами!»
Отвечает Пожарской-князь
Самому хану крымскому:
«А и гой еси, крымской хан,
Деревенской шишиморы!
Я бы рад тебе служить,
Самому хану крымскому,
Кабы не скованы мои резвы ноги,
Не не связаны белы руки
Во чембуры шелковые,
Кабы мне сабелька вострая,
Послужил бы тебе верою
На твоей буйной голове,
Я срубил тебе буйну голову!»
Скричит тут крымской хан,
Деревенской шишиморы:
«А и вы, татары поганые!
Увезите Пожарского на горы высокие,
Срубите ему голову,
Изрубите его бело тело
Во части во мелкие,
Разбросайте Пожарского
По далече чисту полю!»
Кабы черные вороны
Закричали-загайкали,
Ухватили татарове
Князя Семена Пожарского,
Повезли его татарове
Они на гору высокую,
Сказнили татарове
Князя Семена Пожарского,
Отрубили буйну голову,
Иссекли бело тело
Во части во мелкие,

Разбросали Пожарского
По далече чисту полю,
Они сами уехали
К самому хану крымскому.
Они день-другой не идут,
Никто не проведает.
А из полку было государева
Казаки двоя выбрались,
Эти двоя казаки-молодцы,
Они на гору пешком пошли
И взошли тута на гору высокую,
И увидели те молодцы
То ведь тело Пожарского:
Голова его по собе лежит,
Руки, ноги разбросаны,
А его бело тело во части изрублено
И разбросано по раздолью широкому.
Эти казаки-молодцы его тело собрали
Да в одно место складовали,
Оне сняли с себя липовой луб
Да и тут положили его,
Увязали липовой луб накрепко,
Понесли его, Пожарского,
К Конотопу ко городу.
В Конотопе-городе
Пригодился там епископ быть,
Собирал он, епископ, попов и дьяконов
И церковных причетников
И тем казакам, удалым молодцам,
Приказал обмыть тело Пожарского,
И склали его бело тело в домовище дубовое
И покрыли тою крышкою белодубовою.
А и тут люди дивовалися,
Что его тело вместо срасталося.
Отпевавши надлежащее погребение,
Бело тело его погребли во сыру землю
И пропели петье вечное
Тому князю Пожарскому.

Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым /
Издание подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. М., 1977.